

ОБЛАСТЬ СЕРДЦА

РАССКАЗ

Публикация в рамках совместного проекта журнала с Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР).

АНАСТАСИЯ НАРПОВА
Родилась в 2001 году в Москве, живет в Вологде. Студентка Литературного института имени А.М. Горького (семинар Ф.С. Нагимова). Лауреат литературно-критической премии «Эхо». Финалист семинара для молодых авторов в рамках

Всероссийских Беловских чтений. Участник Итоговой всероссийской мастерской АСПИР, Всероссийского совещания молодых литераторов СП России в Химках. Публиковалась в журналах «Знамя», «Наш современник», «Литература», «Пашня», «Ностер» и др.

– Я тебе говорю – вон, в ихнем-то поселке, что за оврачком, опять стреляли. Говорят, Иваныча дома-то все нету. А я тебе говорю – опасно, Галенька, опасно. – Баба Валя громко прихлебнула из чашечки, а потом добавила: – Ну, куда тебе одной-то, милая. Ну куда? И Вареньке твоей скоро в школу идти.

– Через год только, – ответила мама.

Варя замерла на печке, подслушивает.

– Через год. А я тебе что и говорю – ты подумай. Вон, крыльцо-то у вас тоже уже покосилось. Это я старая, чего мне. Ну, как же ты одна теперь будешь все это, без...

Мама уронила ложку и закрыла глаза. Губы ее задрожали. Только слышно, как по комнате летает муха. Как застыла она теперь маленькой точкой на бирюзовой занавесочке, будто неживая.

Тихо в доме. Вдруг затрещали под бабой Валеи половицы.

– Ой, тьфу. Опять, видно, летят железяки эти, ну как их там. – Она схватилась за подбородок. – Пойду я. Поздно уже.

Скрипнула калитка и в своем распахнутом вздохе застыла. Варя обернулась в сторону дома – солнце в окне. Там потертый образок с пробившейся леденцовой смолой и на печке рыжик. Нарисованный. Ее. А где-то за рубцовской избой у дальнего

потрескавшегося забора видится он – стеснительный и робкий, с красными рукавицами, – Петя. «Не мерзни, Петя. Иди домой», – сказала про себя Варя и отвернулась. Нет ведь никакого больше Пети. Также увезли в город. Насовсем.

Вот уже поле – белая гладь, редкий ветер. Варя вытягивает шею и боится потерять мамину руку. Здесь только шаги, разбивающие белую тишину, и черная полоса дороги все ближе и ближе.

– А вот и мы, – вдруг сказала мама.

Варя увидела большие мужские ботинки и боялась поднять глаза.

– Ну, привет. – Мужчина в скрипящей кожаной куртке влажно поцеловал Варю в щеку. – Не помнишь меня?

Холодный и шершавый.

За мужчиной машина.

«Неужели сядем?» – ужаснулась от восторга Варя.

Взвизгнула дверка на морозе. Сели.

В машине пахнет сигаретами.

Как быстро растворился дом в неразборчивом силуэте деревьев. Все меньше и дальше. Теперь дом – лишь черная точка посреди белой зимы. Вдруг из тишины пробился неловкий треск радиоволны. Слова неразборчивые, рвутся пунктиром.

– У нас в городе совсем по-другому, – вздохнул мужчина. – Вот ты, Галь, о чем мечтаешь?

«Это же сон», – сама себе говорит Варя. И снова видит глаза мальчика – такие васильковые, задумчивые, будто впервые заметила. Петя смеется по-детски, легко. Никогда она почему-то раньше не замечала, как весело разливается его смех и отдается мягким эхом по лесной опушке. Только брови напряжены. И будто кувшинки у берега что-то знают – покачиваются, кивают. Уже такой взрослый он – Петя.

- О чем я мечтаю? – как будто сама себе удивилась мама.
- Ну, о чем. Новое платье, туфельки-дрюфельки... Мужика хорошего, да вот чтобы с деньгами и квартирой. Ну, ты понимаешь. Так вот, это у нас все есть. Да... Это тебе не вот эта вот глухомань. – Он как будто хотел маму разозлить. – Не сарай, короче, с двумя бабками по соседству. Ты-то, Галь, женщина красивая. Найдешь хорошего. Вся жизнь впереди. Ну или... Мужчина хотел еще что-то сказать, но вдруг из ниоткуда опять пробилось радио.
- Мы остановимся у подруги, а дальше поглядим, – тихо ответила мама, перебивая дяденьку из песни.
- Мам, а Ялта – это где? – вдруг спросила Варя.
- Далеко, очень далеко.
- А мы далеко едем?
- Ты спи, Варюш. Закрой глазки и спи, нам еще ехать и ехать. – Мама погладила Варю по кудрявой макушке и притянула к себе.

- А там будет хорошо, как у нас дома?
Мама не ответила. Мужчина повернулся к Варе и весело подмигнул. И тут как вырвалось у нее, как пролилось – рвано, некрасиво. Губы задрожали, втянулись крепко. Щеки горят.
Остановились на обочине.
- Болит что-то? – волновалась мама. – Укачало... тошнит? Плачешь-то чего?
Варя качала головой. Потом вдруг:
- Мама, я умру... Я точно знаю, что умру!
- Дыши, дыши воздухом. Слышишь меня?
Дяденька скрипел снегом и курил.
Постояли немного. Потом мужчина и мама глазами сказали что-то друг другу, и все снова сели в машину.
- Ну, чего ты, Варюша? Чего, милая? – Мама еще крепче обняла Варю и закрыла глаза. Что-то запела тихо-тихо и грустно, укачивая.
Варя смотрела в окно: редкие березки расплываются в сумеречном пространстве.
Вдруг что-то вспыхивает вдали над заснеженным лесом.
- Ух ты, фейерверк! – радуется мама.
- Какой фейерверк? – удивляется мужчина. – А-а, ну да... фейерверк.
- Фейерверк же только в Белгороде бывает, – удивляется Варя.
- Везде бывает... Спи уже.
А спать совсем не хочется. Только устало покачивается лягушонок над лобовым стеклом. Влево-вправо. Влево-вправо. Влево... И снова мужской голос о чем-то долго говорит...

- Свет робкий, как в сказке, – спугнуть страшно. В воздухе прохлада, и дышится глубоко. Варя идет по сырой траве. Она совсем хрупкая маленькая девочка в желтом дождевике. Еще немного – и перед ней знакомая запятая пруда. Мелко хлюпают у берега редкие капельки. «Как будто роса. И утро», – подумала Варя и бросила камушек в воду.
- Один, два... Еще разок – один, два, три... Один.
Гладь воды выгибается кругами. Мутно у берега. Лишь тишина на мгновение стала такой большой, будто и нет ничего – только вода, редкие березки и маленькие лягушата в траве. Кап-кап. Кап-кап. Кап.
- А-а-а-а-а, – вдруг откуда-то из-за кустов вылетел Петя. Травинки запутались в его волосах. – Ну чего ты, совсем не страшно, что ли?
- Совсем. Ты мне всех лягушек распугаешь. – Варя сделала такое лицо, какое бывает у девочек, когда они рады, но боятся спугнуть эту неожиданно пробившуюся взрослость.

- Ну-ка, и сколько же их?
- Не скажу.
- Души их, души! – маминым голосом говорит Петя. – Душно тут...

«Это же сон», – сама себе говорит Варя. И снова видит глаза мальчика – такие васильковые, задумчивые, будто впервые заметила. Петя смеется по-детски, легко. Никогда она почему-то раньше не замечала, как весело разливается его смех и отдается мягким эхом по лесной опушке. Только брови напряжены. И будто кувшинки у берега что-то знают – покачиваются, кивают. Уже такой взрослый он – Петя.

- Кто последний, тот и водит, – крикнул он и бросился в сторону домов.

Варя медленно идет по густой траве. Травинки щекочат ноги, все та же прохлада вдоль берега, а внутри как-то уже совсем по-другому, тепло. И дождь как будто закончился. Тропка узкая-узкая, тянется, путается красной ниточкой. Вот уже клубочек в руках Вари. Мимо большой крапивы аккуратнее, чуть дыша, запетляла она. Журчит ручеек вдалеке. Вот на ветке что-то застыло алой ягодкой. Подбежала ближе – рукавица. Как в мягкой колыбели ее укрывают еловые ветви.

- Ва-а-арь, а ты знала?.. Лягушки спят с открытыми глазами, – гулким эхом пролилось откуда-то из густой чаши леса.

Варя потянулась в сторону рукавицы. Что-то сжалось внутри, кольнуло – она крупно вздрогнула и проснулась.

Темно. Сердце мамы стучит медленно и ровно. Спит. И дышит она совсем мягко. Варя подняла голову на тусклый огонек под потолком и в зеркале увидела глаза мужчины. Смутилась, заморгала в окно – на редкие темные ели и их слипшиеся макушки. А ведь не такой он и холодный. Глаза добрые.

«...Система ПВО над Белгородской областью, – прорывается из радиоприемника. – Это второй беспилотник самолетного типа, сбитый над территорией региона с начала суток».

Медленно падает снег и в этой своей стихийной ряби, у одиноких фонарей, превращается в свет. Где-то под этим снегом все та же крапива, те же сонные березки, сиротливо покачиваясь, спят в ожидании чего-то. И летний пруд, заросший и обмелевший, застыл в тесноте льда.

- Дед какой-то идет, не знаю его, – вдруг сказал мужчина и прибавил скорость.

Варя оглянулась на темную удаляющуюся фигурку. Что-то знакомое показалось в ней. Варя уткнулась в плечо мамы и, тихо вздохнув, закрыла глаза.